

заплакала и говоритъ: „съ кѣмъ мнѣ спать-ночевать“. Вотъ въ лѣсу старикъ и кричитъ: „приду, я приду“, и выходитъ старикъ выше лѣсу. Она испугалась и говоритъ мышкѣ: „куда-жѣ я-то дѣваюсь?“ Мышка обернула шаминкой и положила подъ порожекъ. Старикъ пришелъ, вѣздѣ искалъ, негдѣ ненашелъ и бросилъ два сундука имѣнья, самъ и ушелъ. Мышка опять эту шаминку сдѣлала дѣвушкой. Ночку проспали, опять стала дѣвушка пекчи шанежки; поѣли съ мышкой шанежокъ и сидятъ. Старикъ пріѣхалъ за дѣвушкой; они думали, что дѣвушка мертвая, а дѣвушка бѣленая и мазаная и платкомъ перевязаная. Старикъ привезъ домой дѣвушку. Старухѣ завидно стало, что у этой дочери имѣнія много, а у ее дѣвушки ничего нѣтъ, и велѣла свѣзти старику свою дѣвушку и наклала этой дѣвушкѣ ѣжи, муки хорошей и крупы и масла, всякія всячины. Старикъ свѣзъ эту дѣвушку въ пустую избу. Она стала шанежки пекчи. Мышка выскочила изъ подъ сошточка и говоритъ: „дѣвушка, дай мнѣ шанежку“. Она хлестнула сковородникомъ и мышку убила. Сѣла подъ окошко и зарѣвела и кричитъ: „съ кѣмъ мнѣ спать-ночевать?“ Старикъ въ лѣсу и кричитъ: „я иду“, и пришелъ старикъ и задавилъ дѣвушку. Три дня прошли. Матка и говоритъ своему старику, что, старикъ, съѣзди по дѣвушку. Старикъ съѣздилъ за дѣвушкой и привезъ мертвую. Старуха зарѣвела и умерла.

Кадниковскій у. 1907 г.

#### 43. Горошенько.

Жилъ былъ старикъ со старухой. Было у нихъ двое дѣтей, дочка да сынокъ, а дочь постаршѣ. Старикъ и старуха померли и не оставили имъ ничего поѣсть. Эти ребята и пошли въ амбаръ и назаѣтали три горошенька и принесли въ избу и стали катать по полу, катали да катали, всѣ три горошенька упали въ подпольѣ. Эти горошеньки выросли до полу. Они открыли половицы. Горошокъ все растеть да растеть и вырасть до потолка. Они и потолчину открыли. А горохъ все растеть да растеть и вырасть до крыши. Открыли крышу, тесинку или двѣ. Горохъ растеть выше и выше и вырасть до неба, и стала

туда лѣсенка. Дѣвушка и стала у братца въ головкѣ искать и стала уговаривать: „спи, глазокъ, и спи, другой“. Этотъ парнекъ и уснулъ. Дѣвушка и полѣзла къ верху и залѣзла очень высоко. Прилѣзла, а тамъ мельница, въ сторону вернетъ—шаньги да блины, а въ другую сторону вернетъ, пшеничные пироги, и наклала двѣ корзины и принесла къ брату, и наѣлись. Недолго прожили, какъ это съѣли, она опять стала въ головкѣ искать у брата и уговариваетъ: „спи, глазокъ, спи, другой!“ Этотъ братецъ уснулъ. Она опять улѣзла, прилѣзла туда и наклала опять двѣ корзины и принесла опять къ брату. Покаместъ у ихъ что было ѣсть, они все жили да жили, какъ все съѣли и надо опять уйти, стала искать въ головкѣ и уговариваетъ: „спи, глазокъ, спи, другой“, не могла укласть, какъ полѣзла, и онъ закричалъ: „сестрица, и я съ тобой полѣзу“. Когда она туда улѣзла и сталъ хватать мельникъ ее, она отъ его въ уголокъ да въ другой, въ третій да четвертый, мельнику напостыло хватать и сказалъ: „будь, избушка, и три уголка“. Она опять изъ уголка въ уголокъ стала бѣгать. Мельнику опять напостыло хватать и говорить: „будь, избушка, с два уголка“. Избушка стала о два уголка. Она опять изъ уголка въ уголокъ. Мельникъ не можетъ схватить и говорить: „будь, избушка, объ одномъ уголкѣ“, и сдѣлалась избушка объ одномъ уголкѣ. Мельникъ схватилъ дѣвушку и говорить: „пойдемъ-ко, дѣвушка, ко мнѣ на родину“. Она говоритъ: „да какъ-же братца-то?“ Онъ говоритъ: „и братца съ собой увѣдемъ“. Братецъ подошелъ да и захотѣлъ пить и говорить: „я здѣсь напьюсь“. Сестрица и говоритъ: „не пей, братецъ, въ этой конуркѣ, будешь лошадкой“. Немножко подошли, парнекъ и говоритъ: „я, сестрица, напьюсь?“ Она говоритъ: „не пей, братецъ, будешь коровушкой“. Опять немножко подошли, онъ и говоритъ: „я, сестрица, напьюсь?“ „Не пей, братецъ, будешь овечкой“. Еще подошли немножко онъ напился и сдѣлался козелкомъ и закричалъ: „бя, сестрица, дожди“; она его дождала и говоритъ она козелку: „ой, братецъ, братецъ, какъ я говорила, что не пей, не пей, а ты напился, куда-жъ я дѣваюсь съ тобой?“ Этотъ мельникъ и говоритъ: „что-же дѣлать, станемъ вмѣстѣ кормить“, и дошли до мельниковы родины и стали жить. И сталъ этотъ мельникъ за охотой ходить; и козелка стали кормить.

Этотъ мельникъ когда пойдетъ за охотой и наказываетъ: „ты, дѣвушка, куда не ходи“. Разъ пошелъ за охотой и забылъ наказать, чтобы куда не ходила. Яга-баба пришла и созвала къ себѣ гулять. Она и пошла. Яга-баба привѣла на рѣку и привязала къ кусту, а свою дочь посадила тутъ. Когда мельникъ этотъ пришелъ съ охоты, она и говоритъ: „надо козлика заколоть“. Козликъ и говоритъ своему хозяину: „пусти меня на рѣку погулять, я больно перемарался“. Онъ его пустилъ. Козликъ побѣжалъ и заблеялъ: „бя, сестрица, ножи точать (такъ въ рук.), меня козла хотятъ колоть“. Козликъ пришелъ опять домой. На другой день козликъ опять на рѣку побѣжалъ: „бя, сестрица, ножи точать, меня козла колоть хотятъ“. Сестрица и говоритъ: „братецъ, мнѣ дѣлать нечего“. Этотъ козликъ какъ убѣжалъ, этотъ мельникъ и догадался, что козликъ бѣгаетъ на рѣку, и пришелъ и отвязалъ дѣвушку. Пришли домой, а яги-бабину дѣвку посадилъ на ворота и разстрѣлялъ. Опять стали жить да поживать да добра наживать, а козлика еще стали кормить лучше.

Кадниковскій у. 1907 г.

#### 44. Настюха.

Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ жили-были старикъ со старухой. У нихъ былъ сынъ Иванушка. Старикъ вздумалъ своего сына женить. Стали сватать. Высватали. И этотъ Иванушка женился и взялъ Настасьюшку. У этой Настасьюшки было много дружковъ. Дожили до масляницы. Тестъ и пріѣхалъ за Иванушкомъ звать въ гости. Настюшка поѣхала къ отцу въ гости, а Иванушка не поѣхалъ, потому что онъ услышалъ про свою жену, что у ее много дружковъ. Они уѣхали. А Иванушка вечеромъ запрягъ свою лошадь, пріѣхалъ въ ту деревню и присталъ къ сосѣду, а тутъ была старуха, она была колдуньей, она и дала Ивану поясокъ: „ты, Иванъ, возми сядь въ постели на сараѣ и слушай, кто тамъ есть, если есть дружокъ, то возми на этомъ пояску узелокъ завяжи“. Этотъ Иванъ пришелъ къ тестю, сѣлъ на сарай, за постели (такъ) и слушаетъ, кто тамъ въ избѣ. Услыхалъ, что у его жены